

На правах рукописи

Россинский Сергей Борисович

**Концептуальные основы
формирования результатов
«невербальных» следственных
и судебных действий в доказывании
по уголовному делу**

12.00.09 – уголовный процесс

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Москва – 2015

Работа выполнена на кафедре уголовно-процессуального права федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Научный консультант:

Воскобитова Лидия Алексеевна,
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Бозров Владимир Маирович,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет», заведующий
кафедрой судебной деятельности

Лазарева Валентина Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Самарский государственный
аэрокосмический университет имени академика
С.П. Королева (национальный исследовательский
университет)», юридический факультет,
заведующая кафедрой уголовного процесса и
криминалистики

Семенцов Владимир Александрович,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный
университет», юридический факультет,
профессор кафедры уголовного процесса

Ведущая организация:

ФГКОУ ВО «Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя»

Защита диссертации состоится «31» марта 2016 года в 14.00 на заседании диссертационного совета Д.212.123.01 на базе Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) по адресу: 125993, г. Москва, ул. Садовая–Кудринская, д. 9, зал Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Полный текст диссертации, автореферат диссертации, а также отзыв научного консультанта размещены на официальном сайте Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА):
<http://msal.ru/general/academy/councils/collab/>.

Автореферат разослан «_____» _____ 2016 года.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор юридических наук, доцент

З.Б. Соктоев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Переход Российской Федерации к новым политическим и социально-экономическим отношениям, признание приоритета прав и свобод личности, ратификация международно-правовых документов в этой области обусловили существенное изменение концептуальных подходов к предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовных дел. Уголовно-процессуальный кодекс РФ, построенный на характерных для демократического государства правовых идеях, закрепляя важнейшие гарантии осуществления правосудия, содержит целый ряд принципиально новых положений, коснувшихся практически всех аспектов деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, а также иных участников уголовного судопроизводства. Очевидно, что указанные законодательные новеллы не могли не затронуть механизмов познания и доказывания обстоятельств уголовного дела, осуществляемых в настоящее время в условиях состязательности, свободы оценки доказательств, презумпции невиновности, обеспечения прав и свобод личности и других важнейших принципов уголовно-процессуальной деятельности. Эти вопросы остаются или недостаточно исследованными, или остро дискуссионными.

Различные аспекты теории, нормативного регулирования и практики уголовно-процессуального познания и доказывания, в частности отдельных видов доказательств, традиционно являлись и продолжают оставаться предметом научных дискуссий. Причем в настоящее время, благодаря современным достижениям философии, психологии, психофизиологии и других наук, изучающих сущность и процессы восприятия и осмысления человеком обстоятельств объективной реальности и еще не воспринятых уголовно-процессуальной доктриной, появляются принципиально новые возможности исследования методологических закономерностей уголовно-процессуального познания и доказывания. Они позволяют по-иному взглянуть на, казалось бы, достаточно разработанные и устоявшиеся постулаты уголовно-процессуального права. Представляется, что рассмотрение познавательной деятельности суда и органов предварительного расследования не традиционным доктринальным способом, а в контексте гносеологических, психологических и других естественно-научных закономерностей природы человеческого восприятия действительности и создания на этой основе соответствующих мысленных образов дает новый импульс для развития методологических основ и положений теории уголовно-процессуального доказывания и обуславливает актуальность подобных исследований.

Изучение внутренних (методологических) механизмов познания дознавателем, следователем и судом материальных и идеальных фрагментов объективной реальности, лежащих в основе формирования различных видов уголовно-процессуальных доказательств, позволит более четко уяснить их сущность, упорядочить их систему, выявить и заполнить имеющиеся здесь научные и нормативно-правовые пробелы, а также выработать рекомендации практического характера.

В теории уголовного процесса наименее разработанным видом доказательств являются предусмотренные ст. 83 УПК РФ протоколы следственных действий и судебного заседания, связанные с непосредственным восприятием дознавателем, следователем или судом материальных фрагментов окружающего мира, каких-либо элементов вещной обстановки. Несмотря на свою познавательную значимость и гипотетическую равноценность с другими средствами процессуального доказывания, они традиционно не привлекали должного внимания отечественных ученых-процессуалистов. И хотя в современной науке, несомненно, имеется определенная тенденция, направленная на их более детальное изучение, многие связанные с ними вопросы остаются практически не рассмотренными. Так, до настоящего времени мало исследована сама гносеологическая сущность доказательств, предусмотренных ст. 83 УПК РФ, в частности способы восприятия запечатленной в них информации, в контексте общей методологии уголовно-процессуального доказывания. Явно недостаточно научного внимания уделяется проблемам соотношения и разграничения протоколов следственных действий и судебного заседания с другими видами уголовно-процессуальных доказательств: с показаниями, вещественными доказательствами и иными документами; не определено их соотношение с близкими по сути непроцессуальными средствами познания – результатами оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов.

Отсутствие надлежащей теоретической базы в этом сегменте доказательственного права обуславливает пробелы в нормативном регулировании и в конечном счете приводит к серьезным затруднениям и ошибкам в повседневной следственной и судебной практике. В этой связи представляются целесообразными дальнейшие научные исследования правовых, гносеологических и иных закономерностей формирования доказательств, предусмотренных ст. 83 УПК РФ, что и определяет актуальность настоящего диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Вопросам доказательственного права, в том числе формированию различных видов доказательств, посвящены работы многих представителей отечественной уголовно-процессуальной науки и смежных областей научного знания. В дореволюционный период значительный вклад в развитие этой проблематики внесли Я.И. Баршев, Л.Е. Владимиров, С.И. Викторский, М.В. Духовской, А.А. Квачевский, С.Н. Розин, В.К. Случевский, В.Д. Спасович, Д.Н. Тальберг, Г.С. Фельдштейн, И.Я. Фойницкий. Советская уголовно-процессуальная наука характеризуется многогранностью научных исследований в области доказательственного права, в частности фундаментальными трудами В.Д. Арсеньева, Р.С. Белкина, С.А. Голунского, М.М. Выдри, А.Я. Вышинского, В.М. Галкина, В.Л. Громова, В.Я. Дорохова, Н.В. Жогина, Л.М. Карнеевой, Л.Д. Кокорева, С.В. Курылева, А.М. Ларина, И.М. Лузгина, П.А. Лупинской, П.И. Люблинского, И.Д. Перлова, С.В. Познышева, А.Р. Ратинова, Р.Д. Рахунова, Н.А. Селиванова, М.С. Строговича, А.И. Трусова, Ф.Н. Фаткуллина, М.А. Чельцова, А.А. Эйсмана, П.С. Элькинд и многих других авторов.

Среди современных многочисленных публикаций по вопросам доказывания в уголовном процессе особо следует отметить работы В.А. Азарова, В.С. Балакшина, А.С. Барабаша, В.П. Божьева, Ю.П. Боруленкова, Л.М. Володиной, О.В. Волынской, Л.А. Воскобитовой, Л.В. Головки, А.А. Давлетова, Е.А. Доли, Н.Н. Егорова, В.И. Зажицкого, О.А. Зайцева, Е.А. Карякина, А.В. Кудрявцевой, Н.П. Кузнецова, В.А. Лазаревой, Ю.А. Ляхова, Л.Н. Масленниковой, О.В. Мичуриной, Ю.К. Орлова, А.В. Победкина, А.Д. Прошлякова, А.В. Смирнова, А.А. Хмырова и С.А. Шейфера.

Отдельные проблемы производства следственных и судебных действий в контексте их познавательной направленности достаточно подробно освещены в публикациях Л.Е. Ароцкера, О.Я. Баева, М.О. Баева, В.М. Бозрова, В.М. Быкова, И.Е. Быховского, Л.В. Веницкого, Г.А. Воробьева, И.Ф. Герасимова, Б.Я. Гаврилова, В.Н. Григорьева, Г.И. Загорского, В.В. Кальницкого, Ю.В. Корневского, Н.Г. Муратовой, В.А. Семенцова, И.В. Смольковой, А.Б. Соловьева, Л.Г. Татьяниной, О.В. Химичевой, С.П. Щербы и многих других авторов.

Специально тематике протоколов следственных действий и судебного заседания в уголовном судопроизводстве было посвящено несколько кандидатских диссертаций, в частности А.Ф. Соколова (1982 г.), Л.В. Ворониной (1987 г.), Х.А. Сабирова (2000 г.), И.В. Ананенко (2005 г.) и О.В. Савенко (2014 г.). Однако авторы в основном ограничивались исследованием собственно процессуальных вопросов: правилами составления протоколов, проблемами их допустимости, перечнем следственных и судебных действий, обуславливающих появление этих доказательств, и т.д.

Вместе с тем до настоящего времени в уголовно-процессуальной науке не предпринимались комплексные исследования, направленные на рассмотрение методологии формирования содержания протоколов, то есть познавательных результатов следственных и судебных действий, основанных на наглядно-образном восприятии фрагментов объективной реальности (осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, эксперимента и т.д.).

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления органами предварительного расследования и судом уголовно-процессуальных действий познавательного характера, основанных на закономерностях наглядно-образного восприятия фрагментов объективной реальности, а также в процессе формирования, проверки и оценки их результатов.

Предметом исследования выступают теоретические положения уголовно-процессуального права, связанные с проблемами доказывания, формирования отдельных видов доказательств, производства следственных и судебных действий; система действующего законодательства, определяющего порядок производства по уголовным делам; следственная и судебная практика.

Целью диссертационного исследования является разработка научной концепции формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в общей системе средств уголовно-процессуального познания и доказывания, позволяющей на основе единых методологических подходов рас-

крыть их гносеологическую и правовую сущность, соотнести и разграничить с иными видами доказательств и результатами непроцессуальных мероприятий, оптимизировать механизмы их получения в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел, выявить существующие законодательные пробелы и практические трудности, на основании чего наметить пути для их устранения.

Достижение указанной цели определило постановку и решение следующих задач:

– определить современные методологические подходы к пониманию процессуального познания и доказывания в целом и доказательств в частности;

– рассмотреть с учетом современных достижений науки основные гносеологические, психологические, психофизиологические и иные закономерности человеческого восприятия объективной реальности в контексте процессуального познания и формирования различных видов доказательств;

– сравнить механизмы процессуального познания идеальных объектов, выраженных в условно-знаковой форме и трансформирующихся в мысленные образы посредством рационального мышления, с механизмами процессуального познания, заключающимися в наглядно-образном восприятии материальных объектов объективной реальности;

– проанализировать сущность результатов «невербальных» следственных и судебных действий как доказательств, основанных на непосредственном (наглядно-образном) восприятии дознавателем, следователем, судом материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки;

– сравнить сущность результатов «невербальных» следственных и судебных действий с показаниями различных участников уголовного судопроизводства;

– рассмотреть теоретические, нормативные и практические проблемы соотношения и разграничения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с вещественными доказательствами;

– выявить различия между результатами «невербальных» следственных и судебных действий и иными документами, предусмотренными ст. 84 УПК РФ, а также проанализировать взаимосвязи между ними;

– определить место «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий в системе средств уголовно-процессуального познания и доказывания и их соотношение с результатами «невербальных» следственных и судебных действий;

– раскрыть сущность и признаки следственных действий как процессуальных механизмов установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела в досудебном производстве; выявить их отличия от иных процессуальных действий, осуществляемых в ходе досудебного и судебного производства;

– сформулировать понятие «невербальных» следственных действий и сконструировать их систему;

– проанализировать проблемы производства отдельных «невербальных» следственных действий; разграничить их с иными похожими формами процессуальной деятельности;

– рассмотреть особенности проведения современных крупномасштабных «невербальных» следственных действий (осмотра, обыска, выемки), характеризующихся большим числом участников и сопряженных с восприятием множества фрагментов объективной реальности, расположенных на значительной по своим размерам территории;

– изучить существующие проблемы судебного контроля за законностью производства «невербальных» следственных действий (на примере осмотра, обыска или выемки в жилище);

– раскрыть сущность и сформулировать понятие «невербальных» судебных действий как процессуальных механизмов установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела в ходе судебного следствия;

– сконструировать систему судебных действий, внести предложения по ее совершенствованию;

– проанализировать некоторые вопросы, связанные с производством судебного осмотра, освидетельствования, судебного эксперимента, судебного предъявления для опознания;

– выявить, разобрать и оценить наиболее типичные ошибки, допускаемые в современной следственной и судебной практике в части производства «невербальных» следственных и судебных действий, а также формирования и использования их результатов в доказывании;

– сформулировать предложения по внесению изменений в действующий уголовно-процессуальный закон, а также по оптимизации и совершенствованию правоприменительной практики расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов познания. Наряду с диалектико-материалистическим методом познания использовались современные гносеологические идеи, разработанные ведущими философами XX века, в частности положения критического рационализма, герменевтики, феноменологии и т.д. В качестве общенаучных методов использовались: системный анализ, описание эмпирического материала, сравнение, обобщение, а также методы формальной логики – анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия. В работе применялись следующие специальные методы: историко-правовой, социологический, метод сравнительного правоведения, метод обобщения следственной и судебной практики, технико-юридический и другие.

Нормативная основа диссертационного исследования – международно-правовые акты в сфере обеспечения прав и свобод личности, Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты РФ. Автором также изучались проекты отдельных федеральных законов. В работе рассматривается ряд положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г., законодательства СССР и союзных республик, а так-

же современных уголовно-процессуальных кодексов государств, возникших на постсоветском пространстве.

Кроме того, при проведении диссертационного исследования и формулировании выводов автор опирался на постановления Пленума Верховного Суда РФ в сфере уголовного судопроизводства, правовые позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные концепции и воззрения в области общей теории государства и права, уголовно-процессуального права, гражданского процессуального права, конституционного права, административного права, криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности, а также современные достижения философии, психологии, психофизиологии и других наук, направленных на изучение закономерностей человеческого восприятия и познания объективной реальности.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составляют:

– материалы изученных методом случайной выборки 658 уголовных дел, находившихся в производстве органов предварительного следствия и судов г. Москвы, Брянской, Владимирской, Воронежской, Калужской, Московской, Оренбургской, Тульской и Ярославской областей в 2006–2014 гг.;

– результаты интервьюирования практических работников: 187 судей, 56 секретарей судебных заседаний, 148 следователей и руководителей следственных органов различного уровня; 34 прокурорских работников и 168 адвокатов;

– материалы судебной практики за 2006–2014 гг., опубликованные в информационных ресурсах государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие», справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» и справочно-правовой системы «Право.ru»;

– статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2007–2014 гг., опубликованные на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ;

– эмпирические данные, полученные другими учеными в рамках проведенных ими диссертационных исследований за 1993–2014 гг.

Автором также использован личный практический опыт работы в Следственном управлении ГУВД г. Москвы (позднее – Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы).

Научная новизна диссертационного исследования. Настоящая диссертационная работа является комплексным монографическим исследованием внешних (процессуальных) и внутренних (гносеологических, психологических, психофизиологических и иных) закономерностей формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в общей системе средств уголовно-процессуального доказывания.

Методологически отталкиваясь от информационной теории уголовно-процессуальных доказательств, используя современные философские и естественно-научные подходы к сущности и механизмам формирования челове-

ским сознанием мысленных образов объективной реальности, автор предлагает концепцию «невербального» способа уголовно-процессуального познания, обусловленного непосредственным, наглядно-образным восприятием дознавателем, следователем, судом значимых для уголовного дела материальных фрагментов объективной реальности и лежащего в основе следственного (судебного) осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, эксперимента и тому подобных следственных и судебных действий. При этом с учетом многообразия толкований термина «невербальный» в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе в настоящем диссертационном исследовании он используется с определенной долей условности и поэтому преднамеренно берется в кавычки.

Описанные в работе закономерности формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий позволили провести их сравнительный анализ с иными средствами доказывания обстоятельств уголовного дела: с показаниями, вещественными доказательствами, письменными и иными документами, а также с результатами непроцессуальной оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов, на основании чего выявить теоретические, нормативно-правовые и практические проблемы и сформулировать ряд предложений для их разрешения.

На основании предложенной автором концепции в работе сконструированы системы «невербальных» следственных и судебных действий, намечены тенденции для их развития и совершенствования; проведено разграничение некоторых следственных и судебных действий с близкими познавательными и организационно-техническими процессуальными механизмами, находящимися в арсенале органов предварительного расследования и суда. Опираясь на методологические закономерности наглядно-образного восприятия материальных фрагментов объективной реальности, автор формулирует ряд законодательных предложений и практических рекомендаций, направленных на совершенствование механизмов осуществления некоторых следственных и судебных действий, в частности осмотра, освидетельствования, предъявления для опознания и других, в контексте их «невербального» познавательного характера. И, наконец, рассматриваются особенности производства, а также фиксации хода и результатов характерных для современных условий крупномасштабных «невербальных» следственных действий (в форме специальной операции), в первую очередь следственного осмотра, обыска и выемки, проводимых на обширных территориях и сопряженных с привлечением большого числа участвующих лиц.

В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Доказывание в уголовном судопроизводстве представляет собой сложный комплексный процесс, предполагающий сочетание познавательных, удостоверяющих и аргументационных приемов, методологически основанных на доктринальных положениях правовой теории, научных подходах к гносеологии и формальной логике, которые изменялись на протяжении развития общества и были обусловлены различными мировоззренческими, политическими,

историческими, социальными, культурными и иными факторами. В настоящее время национальная теория уголовно-процессуального доказывания должна развиваться в условиях методологического компромисса, заключающегося в разумном совмещении традиционных для отечественной процессуальной науки положений диалектического материализма с рядом положений и взглядов современных философских школ и течений.

2. В работе выявлена методологическая закономерность прямой связи существовавших в разные периоды времени представлений о понятии и сущности доказательств с общими подходами к доказыванию в уголовном судопроизводстве, обусловленными соответствующими по времени философскими доктринами. Так, позиции представителей дореволюционной процессуальной школы можно объяснить тем, что они базировались на постулатах формальной логики, приведших к признанию доказательствами любых оснований для судебного убеждения. На рубеже XIX–XX веков возникло представление о доказательствах как фактах, имеющих более определенный характер, что согласовывалось с теорией диалектического материализма. Советская процессуальная школа постепенно трансформировала данную концепцию в представление о доказательствах как о фактических данных, чем создала фундамент для современного доказательственного права. В 60–70-е годы XX века на общем фоне развития учения об информации возникла информационная (кибернетическая) теория доказательств. Многообразие современных научных подходов и точек зрения на сущность доказательств является следствием отсутствия в настоящее время соответствующих общепринятых философских и иных, в том числе правовых, концепций.

3. Имеющиеся в теории уголовного процесса различные подходы к понятию и сущности доказательств не должны противопоставляться друг другу, тем более ставиться в зависимость от существующего в государстве типа (формы) уголовно-процессуальной деятельности, в частности от уровня гарантий прав и свобод личности. С позиций методологии доказывания эти подходы не противоречивы, а лишь характеризуют разные проявления одного и того же сложного процессуального, гносеологического и логического феномена – средства, с помощью которого реализуются различные этапы процесса доказывания обстоятельств уголовного дела. Так, к познавательному аспекту доказывания наиболее применима информационная теория, понимающая под доказательством след, несущий определенный информационный сигнал о преступлении; к удостоверительному его аспекту – прагматичная теория, делающая упор на процедуру и порядок формирования доказательств; к аргументационному аспекту – позиции дореволюционных юристов, понимавших под доказательствами основания для судебного убеждения.

4. Процессуальное познание как первый аспект доказывания по уголовному делу представляет собой деятельность органов предварительного расследования и суда, заключающуюся в восприятии посредством процессуальных действий определенных информационных сигналов, поступающих от различных материальных и идеальных фрагментов объективной реальности, отражающих обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Рассмотрение сущно-

сти процессуального познания не с позиций правовой доктрины, а в контексте современных достижений гносеологии, психологии, психофизиологии и нейропсихологии позволяет выделить вербальный и «невербальный» способы восприятия дознавателем, следователем, судом обстоятельств объективной реальности и формирования на этой основе относительно адекватных мысленных образов.

5. Под вербальным способом познания в уголовном судопроизводстве следует понимать систему гносеологических и психофизиологических закономерностей зрительного или слухового восприятия сведений, выраженных в условно-знаковой (вербальной) форме, которые трансформируются в соответствующие мысленные образы посредством рационального мышления дознавателя, следователя, судьи или присяжных заседателей. При этом в протоколе вербального следственного действия (судебного заседания) фиксируются не результаты рационального мышления субъекта познания, не сформированные в его сознании мысленные образы, а только сведения, сообщенные свидетелем, обвиняемым и другими участниками. К достоинствам вербального способа познания следует отнести достаточно высокую степень адекватности сведений, изложенных в соответствующих протоколах, и возможность познания обстоятельств, не попавших в зону наглядно-образного восприятия. Недостатками вербального способа познания являются изначально субъективный характер получаемых сведений, возможность неверного восприятия или осмысления сообщенных сведений самим дознавателем, следователем или судом, а также весьма ограниченный природный потенциал органов слуха и, следовательно, недостаточная информативность соответствующего слухового представления (образа).

6. «Невербальный» способ познания в уголовном судопроизводстве – это система гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (зрительного или посредством иных органов чувств) восприятия дознавателем, следователем или судом материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, трансформирующихся в соответствующие мысленные образы посредством наглядно-образного мышления. В протоколе «невербального» следственного действия (судебного заседания) отражается словесная форма выражения мысленных образов, сформированных в сознании субъекта познания. Достоинствами «невербального» способа познания являются первичный объективизм воспринимаемых фрагментов реальности и, следовательно, сравнительно небольшой уровень гностической погрешности (то есть высокая степень адекватности реального объекта его мысленному образу). К недостаткам «невербального» способа процессуального познания можно отнести относительную невоспроизводимость сформированных доказательств и высокий уровень субъективности при формировании результатов соответствующих следственных (судебных) действий.

7. Предусмотренные ст. 83 УПК РФ протоколы следственных действий и судебного заседания, представляя собой объекты документального характера, не вписываются в общее понятие уголовно-процессуальных доказательств в контексте информационной теории; они не являются формами информационных сигналов, а лишь фиксируют сведения о мысленных образах материальных

объектов познания, сформированных в сознании их авторов. Доказательством по уголовному делу является не протокол, а определенный познавательный результат, выраженный в наглядно-образном восприятии дознавателем следователем или судом какого-либо материального фрагмента объективной реальности и в формировании на этой основе соответствующего мысленного образа, впоследствии зафиксированного в протоколе. Поэтому доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ, следует именовать не протоколами, а результатами «невербальных» следственных и судебных действий. Под ними понимаются имеющие значение для уголовного дела сведения, полученные в предусмотренном законом порядке дознавателем, следователем или судом посредством наглядно-образного восприятия материальных фрагментов объективной реальности и отраженные в соответствующем протоколе.

8. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий методологически соотносятся с показаниями как гносеологические категории, отличающиеся друг от друга диаметрально противоположными способами получения значимой для уголовного дела информации – вербальным и «невербальным». Вместе с тем с учетом потребностей современной правоприменительной практики и оптимизации уголовного судопроизводства представляется возможным разумное наполнение отдельными вербальными элементами любого «невербального» следственного или судебного действия и наоборот, с последующим приданием всем полученным таким образом результатам доказательственного значения, но лишь при условии соблюдения критериев законности, второстепенности, производности и рациональности.

9. При производстве по уголовному делу существует тесная и устойчивая процессуальная и методологическая взаимосвязь вещественных доказательств с результатами «невербальных» следственных и судебных действий. Последние обуславливают как само появление в уголовном деле вещественных доказательств, так и логическую возможность их использования в процессе доказывания. Критерии для разграничения вещественных доказательств с результатами «невербальных» следственных и судебных действий заключаются в их гносеологической сущности. Вещественное доказательство (в отрыве от других взаимосвязанных с ним доказательств) – это сама вещь как элемент объективной реальности и носитель юридически значимой информации. А результат «невербального» следственного и судебного действия – это образ реальности, сформированный познающим субъектом, содержащий информацию о нахождении той или иной вещи в определенном месте (у определенного лица) или об определенном взаиморасположении двух или нескольких предметов и т.д.

10. Материалы контроля и записи переговоров, а также материалы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, подлежащие приобщению к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, не соответствуют гносеологической сущности последних. Они не отвечают ни одному из признаков, предусмотренных ст. 81 УПК РФ, а являются лишь средством фиксации определенных процессуальных действий. В этой связи предлагается исключить соответствующие предписания

из ч. 8 ст. 186 и ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ при сохранении общего правила о необходимости приобщения данных материалов к уголовному делу.

11. Концептуальное отличие предусмотренных ст. 84 УПК РФ документов вербального характера (письменных, аудиодокументов и т.п.) от результатов «невербальных» следственных и судебных действий заключается в использовании принципиально разных механизмов восприятия субъектами доказывания обстоятельств объективной реальности: вербального и «невербального».

12. Предусмотренные ст. 84 УПК РФ документы «невербального» характера (фото-, видеодокументы, графики, схемы и т.д.) являются предметом соответствующих «невербальных» следственных и судебных действий, в первую очередь осмотра. Сам по себе «невербальный» документ в отрыве от следственного или судебного действия не подлежит полноценному восприятию и, следовательно, не может быть самостоятельно использован в доказывании по уголовному делу. С помощью этих действий и совместно с ними «невербальные» документы имплантируются в общую совокупность доказательств и получают реальную возможность влиять на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

13. Результаты «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий по своей познавательной сущности схожи с результатами «невербальных» следственных и судебных действий. Следовательно, они могут найти процессуальное отражение лишь в тех доказательствах, которые по своей гносеологической природе соответствуют доказательствам, подпадающим под контекст ст. 83 УПК РФ. Данный вопрос может быть решен только путем легализации механизмов прямого, непосредственного введения «невербальных» результатов оперативно-розыскной и административной деятельности в уголовный процесс, без необходимости какого-либо мнимого процессуального оформления, но исключительно при условии создания такого правового режима их проведения, который бы обладал требуемыми гарантиями доброкачественности, в частности отвечал условиям соблюдения прав и свобод личности. В этой связи автор вносит ряд предложений по изменению и дополнению уголовно-процессуального законодательства в части использования результатов оперативно-розыскной и административной деятельности в доказывании по уголовному делу, которые сформулированы в тексте работы.

14. Цели производства следственных действий тесно взаимосвязаны с собиранием и проверкой доказательств, но при этом они не тождественны. Собираание и проверка доказательств – процессы, сопутствующие производству следственных действий, тогда как целью следственного действия всегда является определенный познавательный результат, обусловленный установлением новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Именно этим следственные действия отличаются от иных процессуальных процедур, находящихся в арсенале органов предварительного расследования (представления, истребования и т.д.). Таким образом, следственные действия – это производимые следователем или дознавателем уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

15. «Невербальные» следственные действия – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом познавательные приемы, которые направлены на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и осуществляются следователем или дознавателем (органом дознания) посредством использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного («невербального») восприятия материальных фрагментов объективной реальности. В систему «невербальных» следственных действий входят следственный осмотр, освидетельствование, обыск, выемка и следственный эксперимент. В эту же систему с определенной долей условности можно включить и более сложные формы познания, характеризующиеся сочетанием вербальных и «невербальных» механизмов восприятия реальности: предъявление для опознания и проверку показаний на месте.

16. В понятийный аппарат уголовно-процессуальной науки вносится новая категория – процессуальная комбинация, под которой следует понимать предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс определенных взаимообусловленных следственных и иных процессуальных действий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения. К процессуальным комбинациям поисково-познавательного характера относятся: а) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; б) контроль и запись переговоров; в) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Имплантированные в их структуру самостоятельные познавательные механизмы (осмотр и выемка) осуществляются на основании закономерностей наглядно-образного восприятия объективной реальности, что обуславливает возможность их признания специфическими элементами системы «невербальных» следственных действий.

17. Предложения, касающиеся уголовно-процессуального регулирования и практики производства некоторых «невербальных» следственных действий. Так, одну из задач следственного освидетельствования предлагается переориентировать с вопроса об установлении состояния опьянения на вопрос об установлении отдельных признаков опьянения, подлежащих наглядно-образному восприятию (запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы; нарушение речи; резкое изменение окраски кожных покровов лица; поведение, не соответствующее обстановке, и т.д.). Под выемкой предлагается понимать не технический прием легализации каких-либо предметов, документов или иных объектов, а полноценный «невербальный» механизм процессуального познания, направленный на восприятие факта нахождения определенных материальных объектов в определенном месте. Для простого (технического) приобщения предметов, документов или иных объектов к материалам уголовного дела приемлемы более простые процедуры – представление и истребование. Автор также предлагает распространить на предъявление для опознания и проверку показаний на месте положения ст. 187–189 и 191 УПК РФ – в части получения показаний и положения ст. 177 УПК РФ – в части получения «невербальной» информации.

18. Специальная операция – это сложная организационная форма производства «невербального» следственного действия в современных условиях, которая характеризуется большим числом участников и сопряжена с восприятием множества фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, расположенных на значительной по своим размерам территории. Специальной операции свойственны сложные многоступенчатые познавательные процессы, обусловленные параллельной работой не одного, а сразу многих познающих субъектов на отведенных им участках. Наиболее типичными следственными действиями, проводимыми в форме специальной операции, являются осмотр, обыск и выемка. В этой связи предлагается технология составления протокола следственного действия, основанная не на принципе последовательности, а на принципе параллельности. Помимо протокола, обязательными средствами фиксации хода и результатов следственного действия в форме специальной операции следует признать видеозапись, а также составление общего плана места его проведения.

19. Основной способ обеспечения конституционных прав личности при производстве «невербальных» следственных действий – предварительный судебный контроль – представляет собой достаточно слабую и малоэффективную процессуальную гарантию, а его использование оказывает негативное влияние на современную правоприменительную практику. В этой связи автор предлагает заменить его последующим судебным контролем, позволяющим реально обеспечить состязательность сторон как необходимое условие реализации судебной власти, а также полноценно проверить и оценить не только законность, но и обоснованность проведенного следственного действия.

20. Судебные действия в уголовном судопроизводстве – это производимые непосредственно судом совместно со сторонами и в присутствии иных лиц уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В систему судебных действий следует включать лишь те познавательные приемы, которые соответствуют общим условиям судебного разбирательства, а расширение существующего перечня судебных действий может иметь место только на законодательном уровне путем внесения дополнений в гл. 37 УПК РФ. Лишь легальное закрепление новых судебных действий позволит обеспечить соответствие их процессуальной формы общим условиям судебного разбирательства и, таким образом, создать действительно эффективные правовые механизмы познания обстоятельств уголовного дела в условиях состязательности.

21. Под «невербальными» судебными действиями следует понимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом познавательные приемы, которые направлены на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и осуществляются судом совместно со сторонами посредством использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного («невербального») восприятия материальных фрагментов объективной реальности. Действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет рассматривать в качестве типичных элементов системы «невербальных» судебных действий судебный осмотр, освидетельствование и судебный эксперимент.

В эту же систему с определенной долей условности можно включить и более сложную форму познания – предъявление для опознания.

22. В работе сформулированы предложения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального регулирования и практики производства «невербальных» судебных действий. Автор считает необходимым:

а) вернуться к содержащейся в ст. 291 УПК РСФСР правовой конструкции, предполагавшей не только право, но и обязанность суда осматривать приобщенные к уголовному делу вещественные доказательства как по ходатайству стороны, так и по своему собственному усмотрению. Исключение могут составлять лишь случаи, связанные с утратой, повреждением вещественных доказательств или специфическим характером отдельных вещественных доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 82 УПК РФ;

б) распространить действие ст. 284 УПК РФ не только на осмотры вещественных доказательств, но и на осмотры любых других предметов, представленных в судебное заседание сторонами или истребованных (обнаруженных) судом самостоятельно;

в) дополнить ст. 285 УПК РФ третьей частью, предусматривающей возможность проведения в судебном заседании осмотра документов;

г) дополнить гл. 37 УПК РФ новой статьей, определяющей правовые условия и порядок проведения судебной проверки показаний на месте;

д) пересмотреть процессуальный порядок судебного предъявления для опознания живых лиц, отказавшись от возможности опознания потерпевшим подсудимого и наоборот, а также заменив предварительный допрос опознающего лица в судебном заседании оглашением его показаний, полученных в ходе предварительного расследования уголовного дела.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость определяется тем, что в работе развиваются и конкретизируются положения уголовно-процессуального права, сопряженные с понятием и содержанием познания и доказывания, сущностью и системой уголовно-процессуальных доказательств, в частности предусмотренных ст. 83 УПК РФ протоколов следственных действий и судебного заседания (результатов «невербальных» следственных и судебных действий). В диссертации получили дальнейшее развитие вопросы, связанные с сущностью, систематизацией и процессуальным порядком производства следственных и судебных действий, фиксацией их хода и результатов в контексте современных научных подходов и потребностей правоприменительной практики. Кроме того, теоретическая значимость работы определяется научным обоснованием положений, не нашедших достаточного отражения в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, судебной и следственной практике. Комплексный характер исследования обуславливает значимость полученных результатов как для уголовно-процессуальной науки, так и для смежных с ней областей научного знания. Выводы и результаты диссертации могут быть использованы в дальнейших научно-исследовательских работах по данной проблематике.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее положения и выводы могут быть применены в целях совершенствования системы действующего

уголовно-процессуального законодательства, судебной и следственной практики. Особой сферой практического применения итогов диссертационного исследования являются вопросы доказательственного права, действия субъектов процессуального познания по «невербальному» (наглядно-образному) восприятию обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а также деятельность суда и других участников уголовного судопроизводства по формированию, проверке и оценке соответствующих познавательных результатов.

Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе юридических вузов и факультетов при преподавании курса «Уголовный процесс», специальных курсов «Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве», «Современные проблемы доказывания», «Проблемы производства следственных и судебных действий» и других специальных курсов уголовно-процессуальной направленности, при повышении квалификации практических работников, а также при подготовке соответствующей учебной и методической литературы. Кроме того, материалы диссертации могут быть востребованы при разработке предложений для Пленума Верховного Суда РФ, методических рекомендаций для органов дознания и предварительного следствия, комментариев к УПК РФ.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные изложенные в диссертации теоретические положения, выводы и научно-практические рекомендации получили отражение в трех монографиях, авторском курсе лекций «Уголовный процесс России», авторском учебнике «Уголовный процесс», главах коллективного учебника «Уголовно-процессуальное право», коллективной комментарии к УПК РФ, а также в 61 научной статье и тезисах выступлений на конференциях, в том числе в 33 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК России.

Научно-практические положения и практические выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на 36 международных, всероссийских и межвузовских конференциях, семинарах и круглых столах, в частности проведенных в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Уральском государственном юридическом университете, Сибирском федеральном университете, Байкальском государственном университете экономики и права, Воронежском государственном университете, Южно-Уральском государственном университете, Томском государственном университете, Тульском государственном университете, Тюменском государственном университете, Академии управления МВД России, Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, Академии МВД Республики Беларусь, Академии МВД Республики Таджикистан и др.

Результаты диссертационного исследования были внедрены в учебный процесс Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Уральского государственного юридического университета, а также в правотворческую деятельность Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и практическую деятельность Следственного комитета Российской Федерации.

Структура диссертации. Выполненная работа состоит из введения, четырех глав, включающих 16 параграфов, заключения и библиографического списка.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования; характеризуется степень ее разработанности; определяются объект, предмет, цель, задачи, методологическая, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы исследования; раскрывается его научная новизна, теоретическая и практическая значимость; формулируются основные положения, выносимые за защиту; приводятся сведения о степени достоверности и об апробации результатов работы.

Первая глава «Методологические основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий как средств уголовно-процессуального познания» включает четыре параграфа.

В первом параграфе «Генезис и тенденции развития понятия и сущности доказательств в уголовном судопроизводстве» проводится анализ основных научных подходов к категории «доказательство» в уголовном судопроизводстве на протяжении последних 150 лет. Автором изучаются соответствующие позиции русских юристов дореволюционной эпохи, советских ученых до- и послевоенного периода, а также взгляды современных специалистов. Рассмотрение всех вышеназванных точек зрения позволило выявить определенную закономерность, заключающуюся в том, что большинство ученых-процессуалистов в своих работах преимущественно опирались и продолжают опираться на соответствующие им по времени философские и иные общенаучные концепции, а также политический климат государства. Так, представители дореволюционной процессуальной школы (Я.И. Баршев, В.Д. Спасович, И.Я. Фойницкий), определявшие доказательства как любые основания для судебного убеждения, базировали свои позиции на господствовавших в то время постулатах формальной логики. Отдельные дореволюционные ученые (Л.Е. Владимиров, М.В. Духовской), пытавшиеся отождествить доказательства с фактами, связать их с чем-то конкретным, единичным, реальным, наоборот, отталкивались от стремительно развивавшейся на рубеже XIX–XX веков философской теории диалектического материализма. Именно по этой причине данные воззрения плотно укоренились в советской процессуальной до- и послевоенной науке, основанной на диалектическом материализме в его марксистско-ленинском понимании (А.Я. Вышинский, И.Д. Перлов, М.А. Чельцов, С.В. Курылев и др.). Советские ученые-процессуалисты стали активно развивать указанные идеи в контексте ленинской теории отражения, постепенно преобразовав тезис «доказательство – факт» в несколько иной постулат: доказательство – одновременно и сам факт, и соответствующий источник (М.С. Строгович, Р.Д. Рахунов, А.И. Трусов). Последняя позиция, в свою очередь, со временем трансформировалась в одну из наиболее известных точек зрения: «Доказательства – фактические данные» (С.А. Голунский, В.Д. Арсеньев, Р.С. Белкин и др.), ставшую своеобразным

фундаментом для современного доказательственного права. В 60–70-е годы XX века на общем фоне развития учения об информации возникает информационная (кибернетическая) теория доказательств (В.Я. Дорохов, Л.Д. Кокорев, Л.М. Карнеева, Н.П. Кузнецов и др.), которая и по сей день поддерживается многими отечественными процессуалистами (С.А. Шейфер, Ю.К. Орлов, А.А. Давлетов, В.И. Зажицкий и др.). Современная уголовно-процессуальная наука характеризуется многообразием точек зрения на сущность доказательств. Наряду с информационной теорией, сегодня активно развивается так называемая прагматическая модель доказывания (С.А. Пашин, В.В. Золотых, А.С. Александров и др.), а также большое количество иных теорий (В.А. Лазарева, В.С. Балакшин, А.С. Барабаш и др.), что объясняется отсутствием единства существующих философских и иных общенаучных концепций, а также различными подходами к дальнейшему развитию российского уголовного судопроизводства.

Автором обосновывается вывод о том, что научные изыскания в этой области необходимо проводить не в целях конструирования оптимальной формулировки понятия доказательств в уголовном судопроизводстве, а в целях более глубокого уяснения философской сущности доказательств, их места в механизмах установления обстоятельств уголовного дела, то есть направить усилия на развитие тех вопросов теории уголовно-процессуального познания и доказывания, многие из которых в силу различных причин не были должным образом исследованы ранее и которые существуют вне каких-либо формальных правил, подчиняясь только объективным закономерностям, определенным самой природой. Имеющиеся в теории определения доказательств нельзя противопоставлять друг другу, тем более ставить их в зависимость от типа (формы) уголовно-процессуальной деятельности в государстве, в частности от уровня гарантий прав и свобод личности. Различные подходы к понятию доказательства всего лишь более или менее удачно характеризуют разные стороны одного и того же процессуально-гносеологического и логического феномена – некоего средства, с помощью которого реализуются разные этапы процесса доказывания обстоятельств уголовного дела. Автор полагает, что исследование сущности доказательств в современных условиях развития уголовно-процессуальной науки целесообразно проводить в контексте общего анализа закономерностей всего механизма познания и доказывания по уголовному делу, определяя их роль на каждом отдельном этапе уголовного судопроизводства, а также применительно к деятельности каждого отдельного участника: дознавателя, следователя, прокурора, защитника, суда и т.д.

Во втором параграфе «Процессуальное познание как гносеологическая основа доказывания в уголовном судопроизводстве» проводится анализ методологических основ процессуального познания как элемента доказывания по уголовному делу. Исследуя вопросы познания и доказывания в контексте современных демократических принципов судопроизводства, в первую очередь состязательности сторон, автор приходит к выводу о невозможности как отождествления, так и полного, гетерогенного разграничения этих философско-правовых категорий. В диссертации обосновывается позиция о доказывании как

о сложном, многоэтапном процессе, с одной стороны включающем в себя познавательные и удостоверяющие операции, а с другой – аргументацию судом и сторонами правоприменительных решений. В этой связи обращается внимание, что применительно к различным этапам доказывания справедливыми оказываются разные подходы к понятию и сущности уголовно-процессуальных доказательств. Так, для первого этапа – познания – более приемлема информационная теория, отождествляющая доказательства со сведениями. Второй, удостоверяющий этап доказывания полностью вписывается в прагматическую теорию доказательств, делающую акцент на их допустимости. И, наконец, третий этап – логическое обоснование процессуального решения – согласуется с подходом к сущности доказательств, встречающимся в работах дореволюционных юристов, писавших о доказательствах как об основаниях для судебного убеждения. Указанная особенность доказывания полностью подтверждает сделанный в первом параграфе диссертации вывод об отсутствии необходимости противопоставления существующих теорий доказательств.

Автором высказывается позиция о сохранении информационной теории как концептуальной основы доказывания, но лишь в части уголовно-процессуального познания и о необходимости ее дальнейшего развития.

В работе отмечается, что до недавнего времени доминирующей методологической основой информационной теории доказательств являлся диалектический материализм (точнее – марксистско-ленинская диалектика) как «единственно верный» общенаучный метод познания. В настоящий момент отечественная философская мысль уже в определенной степени переориентировалась на иные методологические концепции: критический рационализм, неореализм, неопозитивизм, прагматизм, феноменологию, герменевтику и др. Однако столь стремительный переход консервативной по своей природе юридической науки на принципиально новую методологическую основу автору видится крайне сложным и неоднозначным. Тем более что многие разработки философии XX века по вопросам познания просто неизвестны или мало известны современным правоведам; их еще предстоит освоить, осмыслить и соотнести с имеющимися процессуальными представлениями. Поэтому сегодняшние подходы к сущности познания в уголовном судопроизводстве должны носить в некотором роде компромиссный характер, сочетая в себе элементы диалектического материализма с элементами других философских учений. Именно в таком направлении автору представляются дальнейшие шаги в этом сегменте процессуальной науки.

В работе формируется авторская концепция (модель) процессуального познания. Под ним понимается деятельность органов дознания, предварительного следствия и суда, состоящая в восприятии посредством процессуальных действий определенных информационных сигналов, поступающих от различных материальных и идеальных объектов, ранее отразивших в своей форме или в своем содержании обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, то есть входящие в предмет познания (доказывания). При этом обращается внимание, что данная модель имеет наиболее простой, базовый характер, не обремененный различными промежуточными элементами. В реальных практических

ситуациях, возникающих в ходе расследования и судебного разбирательства уголовных дел, например, в случае работы с косвенными или производными доказательствами, при использовании заключений эксперта, документов, протоколов следственных действий и судебного заседания и т.д., данная модель приобретает более сложные, многоступенчатые формы.

В третьем параграфе «Вербальный и «невербальный» способы познания в уголовном судопроизводстве», отталкиваясь от информационной теории доказательств как методологической основы познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве, автор рассматривает закономерности восприятия дознавателем, следователем, судом фрагментов объективной реальности, имеющих значение для уголовного дела, и формирования на их основе соответствующих мысленных образов. При этом в работе отмечается, что советские ученые, опираясь на постулаты марксизма-ленинизма, оставляли эти вопросы без внимания или относились к ним с большой осторожностью из-за потенциальной опасности перехода на позиции идеализма.

В контексте современных достижений гносеологии, психологии, психофизиологии и нейропсихологии в работе обосновывается вывод об отражении фрагментов объективной реальности не как о пассивном впечатке, копии, снимке (В.И. Ленин, П.В. Копнин, Н.И. Дейнеко и др.), а как об активном процессе, обусловленном особенностями различных типов личности, межполушарной асимметрией головного мозга, разными способами восприятия визуальной и словесной информации, а также отсутствием каких-либо убедительных научных позиций, выражающих материальную связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе восприятия мысленными образами. Опираясь на труды выдающихся европейских мыслителей XX века (Э. Кассирер, К.Р. Поппер, П. Рикер, М. Мерло-Понти), а также передовых отечественных философов (А.П. Шеплулин, Э.М. Чудинов и др.), автор приходит к выводу о том, что формируемые в сознании познающего субъекта мысленные образы не столько тождественны, сколько относительно адекватны объективной реальности.

В диссертации проводится сравнительное исследование особенностей восприятия материальных и идеальных объектов, в результате чего автор формулирует вывод о существовании двух основных способов процессуального познания: вербального и «невербального». Так, вербальный способ направлен на познание сведений идеального характера (показаний, заключений эксперта или специалиста, письменных документов). Он представляет собой систему гносеологических и психофизиологических закономерностей зрительного или слухового восприятия сведений, выраженных в условно-знаковой (вербальной) форме, которые трансформируются в соответствующие мысленные образы посредством рационального мышления дознавателя, следователя, судьи или присяжных заседателей. При этом протокол вербального следственного или судебного действия является средством фиксации не мысленных образов, сформированных в сознании субъекта познания, то есть не результатов его рационального мышления, а самих сведений, сообщенных подозреваемым, обвиняемым, по-

терпевшим, свидетелем, экспертом или специалистом, в практически перво-
зданном виде.

В свою очередь, под «невербальным» способом процессуального познания понимается система гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (зрительного или посредством иных органов чувств) восприятия дознавателем, следователем или судом материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, трансформирующихся в соответствующие мысленные образы посредством наглядно-образного мышления. А при составлении протокола «невербального» следственного или судебного действия сконструированные мысленные образы переводятся в словесную форму. С учетом многообразия толкований понятия невербальности в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе использование данной терминологии в предложенном широком значении несколько условно и не может претендовать на абсолютную непогрешимость. В этой связи употребляемый в настоящем исследовании термин «невербальный» преднамеренно берется в кавычки.

В завершение третьего параграфа первой главы диссертации автор проводит сравнительный анализ вербального и «невербального» способов процессуального познания, выявляет основные достоинства и недостатки каждого из них. К достоинствам вербального способа познания следует отнести высокую степень адекватности сведений, изложенных в соответствующих протоколах, и возможность познания обстоятельств, не попавших в зону наглядно-образного восприятия. Недостатками вербального способа познания, по мнению автора, являются изначально субъективный характер получаемых сведений, возможность неверного восприятия или осмысления сообщенных сведений самим дознавателем, следователем или судом, а также весьма ограниченный потенциал органов слуха и соответствующего слухового представления. В свою очередь, в качестве достоинств «невербального» способа познания следует выделить первичный объективизм воспринимаемых фрагментов реальности, обуславливающий высокую степень адекватности реального объекта его мысленному образу. Недостатками «невербального» способа процессуального познания можно признать относительную невозпроизводимость сформированных доказательств и субъективность формирования результатов соответствующих следственных (судебных) действий.

В четвертом параграфе «Сущность результатов «невербальных» следственных и судебных действий в системе средств процессуального познания» проводится полное и всестороннее исследование сущности доказательств, предусмотренных ст. 83 УПК РФ (протоколы следственных действий и судебного заседания). При этом констатируется весьма слабый, поверхностный научный интерес к рассматриваемой проблеме и, как следствие, – явно недостаточная процессуальная регламентация данного вида доказательств, приводящая к проблемам в следственной и судебной практике.

Автор приходит к выводу о невозможности устранения данных научных и законодательных пробелов с помощью простого возвращения к модели ст. 87 УПК РСФСР, то есть нормативной реставрации перечня следственных и судеб-

ных действий, порождающих соответствующие протоколы, как это сделано в УПК некоторых стран СНГ (Беларусь, Казахстан, Армения, Молдова) и как это предлагают некоторые современные ученые. Заложённая здесь неточность имеет более глубокие корни и гораздо более длительную историю; она тянется неким шлейфом еще со времени формирования системы уголовно-процессуального законодательства РСФСР и выражена в нарушении логического единообразия применительно к различным видам доказательств. В одном случае под доказательством понимается установленная законом форма получения сведений (показания, заключения эксперта, специалиста), а в другом всего лишь предусмотренный законом процессуальный способ их фиксации (протоколы следственных действий и судебного заседания). Субъект процессуального познания (суд, следователь, дознаватель) черпает данные сведения не из протокола, а из принципиально иных источников – из обстановки определенного места, из внешних признаков какого-либо объекта, его расположения относительно других объектов и т.д., а протокол следственного действия или судебного заседания составляется несколько позже с целью процессуального оформления (фиксации) воспринятых дознавателем, следователем или судом фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки.

Решением указанной проблемы, по мнению автора, могли бы стать приведение всех предусмотренных законом видов уголовно-процессуальных доказательств к «общему знаменателю», выработка единых гносеологических признаков, используемых при формулировании соответствующих научных и нормативных дефиниций.

Методологически отталкиваясь от закономерностей «невербального» способа процессуального познания, автор выявляет и определяет гносеологическую сущность протоколов следственных действий и судебного заседания. Под ними в диссертации понимаются составленные дознавателем, следователем или судом уголовно-процессуальные акты, фиксирующие сведения о факте проведения, о ходе и результатах соответствующих следственных или судебных действий, основанных на использовании «невербального» способа познания. Вместе с тем протоколы как объекты документального характера не вписываются в общее понятие уголовно-процессуальных доказательств в контексте информационной теории. Они не являются формами информационных сигналов, поступающих от материальных фрагментов объективной реальности, от элементов вещной обстановки в сознание дознавателя, следователя, судьи или присяжных заседателей. В этой связи автор полагает, что доказательствами, подпадающими под смысл ст. 83 УПК РФ, следует признавать не сами протоколы, а содержащиеся в них познавательные результаты, которые предлагается впредь называть результатами «невербальных» следственных и судебных действий.

Таким образом, результаты «невербальных» следственных и судебных действий – это имеющие значение для уголовного дела сведения, полученные в предусмотренном законом порядке дознавателем, следователем или судом посредством наглядно-образного восприятия материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки и отраженные в соответствующем протоколе.

Вторая глава «Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с другими средствами познания в уголовном судопроизводстве» объединяет четыре параграфа.

В первом параграфе «Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с показаниями» проводится сопоставление этих двух видов доказательств, а также намечаются дальнейшие пути их взаимодействия. Результаты исследования позволяют сделать обобщенный вывод о разграничении показаний и результатов «невербальных» следственных и судебных действий как антагонистичных, гетерогенных гносеологических категорий, характеризующихся диаметрально противоположными способами получения значимой для уголовного дела информации: вербальным и «невербальным».

Вместе с тем, учитывая потребности современной правоприменительной практики и оптимизации уголовного судопроизводства, автор допускает возможность использования локальных приемов по разумному наполнению отдельными вербальными фрагментами любых «невербальных» следственных или судебных действий и наоборот, с последующим приданием всем полученным таким образом результатам доказательственного значения. При этом в диссертации формулируются критерии допустимости подобной процессуальной технологии, исключающие размывание граней между следственными (судебными) действиями и подмену одних следственных (судебных) действий другими: законность, второстепенность, производность, рациональность.

Во втором параграфе «Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с вещественными доказательствами» автор проводит одновременный анализ этих видов доказательств как основанных на едином «невербальном» методе процессуального познания.

В диссертации обосновывается вывод о тесной и неразрывной связи результатов «невербальных» следственных и судебных действий с вещественными доказательствами в решении задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий обуславливают как само появление в уголовном деле вещественных доказательств, так и логическую возможность использования последних в процессе доказывания; с их помощью и совместно с ними вещественные доказательства как бы встраиваются в общую совокупность доказательств и получают реальную возможность влиять на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В свою очередь, вещественные доказательства являются предметом соответствующих «невербальных» следственных или судебных действий, направленных на их обнаружение, восприятие или фиксацию.

Вместе с тем близость этих двух видов доказательств требует формулирования четких критериев для их разграничения. По мнению автора, такие критерии заключаются в характере соответствующих доказательств. Само по себе вещественное доказательство (в отрыве от других взаимосвязанных с ним доказательств) всегда несет в себе лишь информацию о наличии данного объекта как элемента действительности (вещественное доказательство – это сама вещь). В свою очередь, результат «невербального» следственного и судебного дей-

ствия (осмотра, освидетельствования, обыска, выемки и др.) свидетельствует о нахождении той или иной вещи (вещественного доказательства) в определенном месте или у определенного лица, а также об определенном взаиморасположении двух или нескольких предметов, о нахождении одного предмета на другом и т.д. Подобная информация позволяет встроить обезличенные вещественные доказательства в общую доказательственную цепочку и, таким образом, успешно использовать их в процессе познания обстоятельств уголовного дела.

В диссертации высказывается позиция о невозможности признания вещественными доказательствами материалов аудио-, видео- и тому подобной технической фиксации результатов «невербальных» следственных или судебных действий. Указанные материалы всего лишь фиксируют в отличной от протокола форме те же самые результаты наглядно-образного восприятия дознавателем, следователем или судом материальных фрагментов объективной реальности и потому никоим образом не отвечают признакам вещественного доказательства. Кроме того, автор выражает скептицизм в отношении установленного законом порядка признания вещественными доказательствами материалов контроля и записи переговоров и материалов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, как объектов, не подпадающих под гипотезу ч. 1 ст. 81 УПК РФ. В этой связи предлагается исключить соответствующие фрагменты из ч. 8 ст. 186 и ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ, сохранив общее правило о необходимости приобщения данных материалов к уголовному делу.

В третьем параграфе «Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с «иными» документами» осуществляется анализ этих видов доказательств в контексте их единой документальной формы фиксации информации, имеющей значение для уголовного дела. Автор приходит к выводу, что концептуальное отличие предусмотренных ст. 84 УПК РФ документов от результатов «невербальных» следственных и судебных действий (от протоколов следственных действий и судебного заседания) в самом общем виде заключается в использовании различных механизмов восприятия субъектами доказывания обстоятельств объективной реальности: вербального и «невербального».

В правоприменительной практике встречаются документы неписьменного характера (например, фотографии, видеозаписи, чертежи), имеющие гораздо более тесную связь с результатами «невербальных» следственных и судебных действий (в первую очередь осмотра), являясь их предметом. Подобный документ сам по себе, в отрыве от соответствующего следственного или судебного действия, не подлежит полноценному восприятию и не может быть использован в доказывании по уголовному делу. С помощью этих действий и совместно с ними «невербальные» документы имплантируются в общую совокупность доказательств и получают реальную возможность влиять на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Автор приходит к убеждению о существовании тесной и устойчивой связи между документами и результатами следственного осмотра, который можно осуществлять и в отношении «традиционных», письменных документов, обу-

славливающих вербальный способ познания. В этой связи в диссертации делается вывод, что в данном «невербальном» познавательном приеме не заложено никаких противоречий, что, осматривая письменный документ, дознаватель или следователь воспринимают его не как форму подачи определенных вербальных сведений, не как интеллектуальный продукт, а в первую очередь как материальный объект, имеющий свои физические признаки и необходимые реквизиты. Даже осматривая исключительно вербальные части документа, например, рукописный или печатный текст, субъект процессуального познания не формирует в своем сознании мысленных образов, вытекающих из его содержания. Он только констатирует факт наличия в документе определенных слов, фраз и тому подобных объектов, не вникая в их смысл. Осмысленное изучение данных вербальных объектов – его исследование, осуществляемое посредством рационального мышления и завершающееся формированием полноценных мысленных образов, – это уже следующий этап работы либо с самим документом, либо с протоколом его осмотра.

В завершение параграфа автор формулирует рекомендации, направленные на осмотр документов с последующим исследованием соответствующего протокола в тех случаях, когда непосредственное приобщение данного документа к материалам уголовного дела является невозможным или нецелесообразным.

В четвертом параграфе «Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с результатами «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий» рассматриваются те оперативно-розыскные и административно-правовые познавательные механизмы, которые реализуются посредством «невербального» способа познания и результаты которых имеют существенное значение для расследования и судебного разбирательства уголовного дела.

Обращается внимание, что из-за несовершенства действующего уголовно-процессуального законодательства, приобщая такие материалы к уголовным делам для использования в процессе доказывания, практические работники испытывают большие трудности и допускают серьезные ошибки. Результатам оперативно-розыскной или административной деятельности придается статус «наиболее удобного» из предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ доказательств: показаний свидетеля, вещественных доказательств или иных документов, а их допустимость оценивается исходя их соблюдения требований оперативно-розыскного и административного законодательства.

Критически оценивая подобную практику, автор полагает, что сведения, полученные оперативными сотрудниками или субъектами административной деятельности в результате «невербальных» оперативно-розыскных или административных мероприятий, могут найти свое процессуальное отражение лишь в тех доказательствах, которые по своей гносеологической природе соответствуют доказательствам, подпадающим под контекст ст. 83 УПК РФ.

Высказывается мнение об изменении отношения законодателя к процессуальному режиму введения результатов оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов в процесс доказывания по уголовному делу. Автор приходит к убеждению, что нет никаких реальных

препятствий для прямого, непосредственного использования данных материалов в качестве доказательств, но только в том случае, если они не обладают свойством воспроизводимости, то есть не могут быть повторно получены дознавателем, следователем или судом в процессе расследования или судебного разбирательства уголовного дела. В этой связи предлагается создать такой правовой режим проведения «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий, который бы по уровню гарантий не уступал процессуальной форме и в последующем позволил бы дознавателю, следователю или суду проверить их доброкачественность, в частности условия соблюдения прав и свобод личности.

Автор вносит ряд предложений по дополнению гл. 10–11 УПК РФ в части использования результатов оперативно-розыскной и административной деятельности в доказывании по уголовному делу.

Третья глава «Процессуальный механизм формирования результатов «невербальных» следственных действий» объединяет пять параграфов.

В первом параграфе «Следственные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела» исследуются вопросы, касающиеся сущности следственных действий как основных процессуальных способов установления обстоятельств уголовного дела в досудебном производстве.

Ввиду законодательной и научной неопределенности понятия «следственное действие» в диссертации рассматриваются его основные сущностные признаки, среди которых выделяются: а) процессуальный характер; б) исключительное нахождение в ведении следователя (дознателя); в) познавательная направленность. Автор не соглашается с одной из наиболее устоявшихся научных позиций о направленности следственных действий на собирание и проверку доказательств – по причине неопределенности самих процессуальных категории «собирание доказательств» и «проверка доказательств». Обосновывается позиция, что собирание и проверка доказательств – это процессы, сопутствующие производству следственных действий, но вместе с тем связанные скорее не с их целями, а с их содержанием, выраженным в обнаружении, восприятии, исследовании, фиксации и процессуальном оформлении доказательственной информации. Целью следственных действий предлагается считать исключительно познание обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. И в этой связи автор разграничивает следственные действия с другими процессуальными средствами, находящимися в арсенале органов предварительного расследования: представлением, истребованием, наложением ареста на имущество, эксгумацией, получением образцов для сравнительного исследования и т.д.

Таким образом, под следственными действиями в работе понимаются производимые следователем или дознавателем (органом дознания) уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Данному определению предлагается придать законодательный характер и внести соответствующие дополнения в ст. 5 УПК РФ.

Во втором параграфе «Понятие и система «невербальных» следственных действий» проводится системный анализ следственных действий, основанных

на закономерностях наглядно-образного восприятия обстоятельств объективной реальности.

Выделяя «невербальные» следственные действия из всей системы следственных действий как наиболее крупную группу, автор полагает, что они также образуют свою собственную систему (подсистему), являющуюся еще более единым и целостным формированием и характеризующуюся дополнительным системообразующим признаком – использованием следователем познавательных приемов наглядно-образного («невербального») восприятия информации. Кроме того, отдельные элементы системы «невербальных» следственных действий вообще имеют родственный характер; в теории уголовного процесса и криминалистики они рассматриваются как парные категории и предполагают очень близкий порядок производства (например, обыск – выемка, осмотр – освидетельствование).

Таким образом, «невербальными» следственными действиями автор считает предусмотренные уголовно-процессуальным законом познавательные приемы, которые направлены на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и осуществляются следователем или дознавателем (органом дознания) посредством использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного («невербального») восприятия материальных фрагментов объективной реальности.

К элементарным «невербальным» следственным действиям относятся: а) следственный осмотр; б) освидетельствование; в) обыск; г) выемка; д) следственный эксперимент. В современном уголовном судопроизводстве существуют и более сложные формы познания дознавателем или следователем обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела: а) предъявление для опознания и б) проверка показаний на месте. Они характеризуются тесным сочетанием вербальных и «невербальных» механизмов восприятия идеальных и материальных фрагментов объективной реальности. Тем не менее достаточно сильная наглядно-образная составляющая не дает возможности полностью исключить их из системы «невербальных» следственных действий, хотя они и приобретают в данной системе несколько обособленный характер.

В диссертации используется новый подход к сущности наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки, контроля и записи переговоров и получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Автор называет их процессуальными комбинациями, под которыми понимает предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством комплексы определенных взаимообусловленных следственных и иных процессуальных действий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения. Процессуальные комбинации, предусмотренные ст. 185, 186 и 186.1 УПК РФ, в силу своего комплексного (комбинированного) характера не могут быть отнесены к традиционным «невербальным» следственным действиям; они имеют более сложную природу. Вместе с тем имплантированные в их структуру самостоятельные познавательные механизмы (осмотр и выемка) осуществляются на основании закономер-

стей наглядно-образного восприятия объективной реальности, то есть посредством «невербального» способа познания. Таким образом, представляется возможным включение наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки, контроля и записи переговоров, а также получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в качестве специфических, обособленных элементов в систему «невербальных» следственных действий.

В третьем параграфе «Проблемы производства отдельных «невербальных» следственных действий» рассматриваются различные аспекты следственных действий, основанных на наглядно-образном восприятии объективной реальности, вызывающие определенные трудности в теории, нормативном регулировании и следственной практике.

Методологически отталкиваясь от закономерностей «невербального» познания, рассмотренных в первой главе диссертационного исследования, автор выявляет целый ряд недостатков в процессуальной регламентации и практике производства следственного освидетельствования, выемки, предъявления для опознания, проверки показаний на месте и предлагает пути для их устранения.

В частности, одну из задач следственного освидетельствования предлагается перенаправить с установления состояния опьянения на установление отдельных признаков опьянения, подлежащих наглядно-образному восприятию (запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы; нарушение речи; резкое изменение окраски кожных покровов лица; поведение, не соответствующее обстановке, и т.д.). При этом полноценное состояние опьянения может быть выявлено только в результате соответствующей судебно-наркологической экспертизы.

Выемку предлагается считать не техническим приемом легализации каких-либо предметов, документов или иных объектов, то есть их «попадания в уголовное дело», а проводить лишь тогда, когда дознавателю или следователю необходимо лично, посредством «невербального» познания, убедиться в нахождении каких-либо объектов в каком-либо определенном месте. Таких случаев не может быть слишком много, поэтому классическая выемка познавательной направленности представляется достаточно редким следственным действием – намного более редким, чем обыск со свойственными ему изначально неопределенными объектами и (или) местами их нахождения. Для простой технической передачи отдельных материалов (предметов или документов) для приобщения к уголовному делу автор считает уместными более простые процессуальные механизмы, не являющиеся следственными действиями и не обусловленные столь сильными правовыми гарантиями, какими характеризуется выемка, в частности представление и истребование.

В диссертации обосновывается необходимость легального распространения на предъявление для опознания и проверку показаний на месте положений ст. 187–189 и 191 УПК РФ – в части получения показаний и положений ст. 177 УПК РФ – в части получения «невербальной» информации. А сведения, полученные в ходе предъявления для опознания и проверки показаний на месте, предлагается одновременно расценивать и как показания, и как результаты «невербальных» следственных и судебных действий в контексте ст. 83 УПК РФ.

В четвертом параграфе «Особенности производства некоторых «невербальных» следственных действий в форме специальной операции» рассматривается сложная организационная форма следственного осмотра, обыска, выемки, проводимых по уголовным делам в связи с техногенными катастрофами, террористической деятельностью и т.д.

Специальная операция – это новая организационная форма производства «невербального» следственного действия, которая характеризуется большим числом участников и сопряжена с восприятием множества фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, расположенных на значительной по своим размерам территории.

Специфика «невербального» следственного действия в форме специальной операции обуславливает и особенности используемого при его производстве механизма процессуального познания. В отличие от традиционных осмотра, обыска или выемки, такие крупномасштабные мероприятия характеризуются участием не одного, а сразу нескольких или многих познающих субъектов. Причем каждый из них, как правило, осуществляет наглядно-образное восприятие соответствующих фрагментов объективной реальности независимо от других на отведенном ему участке (является отдельным субъектом «невербального» познания), что порождает сложные, многоступенчатые познавательные процессы.

В этой связи автор предлагает несколько иную, отличную от «традиционной» технологию составления протокола «невербального» следственного действия, основанную на принципе параллельности и заключающуюся в составлении каждым следователем (оперативным сотрудником), осуществляющим поисково-познавательные операции на закрепленном за ним участке, своей части протокола (своего рода приложения к общему протоколу), с последующим их объединением в общий протокол. Кроме того, обосновывается необходимость обязательного использования средств дополнительной фиксации хода и результатов подобного следственного действия и составления общего плана места его проведения.

В пятом параграфе «Проблемы судебного контроля за производством «невербальных» следственных действий» рассматриваются теоретические, нормативно-правовые и практические аспекты предварительного и последующего судебного контроля в контексте осуществления следственного осмотра, обыска, выемки, в частности проводимых в жилище.

Автор приходит к убеждению, что предусмотренный ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ предварительный судебный контроль за производством «невербальных» следственных действий представляет собой достаточно слабую и малоэффективную процессуальную гарантию; его использование оказывает негативное влияние на современную правоприменительную практику.

В этой связи предлагается полностью заменить существующие механизмы предварительного судебного контроля за производством «невербальных» следственных действий последующим судебным контролем, используемым в настоящее время лишь при наличии исключительных обстоятельств. Подобная процессуальная технология, с одной стороны, не будет оказывать негативного вли-

яния на быстроту, внезапность и, следовательно, эффективность проведения осмотра, обыска или выемки. С другой стороны, она позволит обеспечить состязательность как необходимое условие реализации судебной власти. Более того, последующий судебный контроль будет служить гарантией не только законности, но и обоснованности проведенных «невербальных» следственных действий. Автор полагает, что последующий судебный контроль содержит в себе достаточно процессуальных гарантий, чтобы защитить права и законные интересы лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Четвертая глава «Процессуальный механизм формирования результатов «невербальных» судебных действий» объединяет три параграфа.

В первом параграфе «Невербальные» судебные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела» исследуются вопросы, касающиеся сущности и системы «невербальных» судебных действий как процессуальных способов установления обстоятельств уголовного дела в судебном следствии.

Ввиду неопределенности понятия «судебное действие» автор рассматривает его основные сущностные признаки, среди которых выделяет: а) процессуальный характер; б) возможность производства не иначе как в судебном заседании; в) познавательную направленность. Таким образом, под судебными действиями в работе понимаются производимые непосредственно судом совместно со сторонами и в присутствии иных лиц уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Данному определению предлагается придать законодательный характер и внести соответствующие дополнения в ст. 5 УПК РФ.

Говоря о процессуальном характере судебных действий, автор указывает на их достаточно слабое правовое регулирование; порядок производства некоторых из них определен отсылочными нормами, возвращающими правоприменителя к соответствующим положениям досудебного производства; процедура других и вовсе не предусмотрена. В этой связи в диссертации высказывается точка зрения о расширении перечня судебных действий, основанном на потребностях практики, но только законодательным способом – внесением дополнений в гл. 37 УПК РФ. Автор полагает, что лишь легальное закрепление новых судебных действий позволит обеспечить соответствие их процессуальной формы общим условиям судебного разбирательства и, таким образом, создать действительно эффективные правовые механизмы познания обстоятельств уголовного дела в условиях состязательности.

Более того, аргументируется вывод о том, что в число судебных действий можно включать лишь те, которые соответствуют принципам уголовного процесса, получившим развитие в судебном следствии. Только подобный подход должен выступать в качестве основы для различных законодательных инициатив. А расширение круга судебных действий за счет несвойственных для состязательного процесса познавательных процедур, используемых в досудебном производстве, представляется недопустимым. В частности, автор выражает несогласие с возможностью проведения в судебном следствии обыска, выемки, контроля и записи переговоров, наложения ареста на почтово-телеграфные отправ-

ления, их осмотра и выемки. Вместе с тем вполне допускается возможность использования проверки показаний на месте и получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Что касается познавательного характера судебных действий, автор обосновывает вывод о включении в их систему оглашений показаний и материалов досудебного производства как мероприятий, направленных не столько на собирание новых, сколько на исследование имеющихся доказательств. В этой связи представляется, что исследование доказательств – это такой же безусловный атрибут познавательной деятельности, как и их собирание (формирование) и проверка. В противном случае суд фактически теряет свою самостоятельность как субъект доказывания и превращается в некоего «оформителя» результатов досудебного производства, подобно тому, как это достаточно часто происходит в современной правоприменительной практике.

«Невербальные» судебные действия автор определяет как предусмотренные уголовно-процессуальным законом познавательные приемы, которые направлены на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и осуществляются судом совместно со сторонами посредством использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного («невербального») восприятия материальных фрагментов объективной реальности. Действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет рассматривать в качестве типичных «невербальных» судебных действий следующие познавательные приемы: судебный осмотр, освидетельствование, следственный (судебный) эксперимент. Существует и более сложная форма получения судом «невербальной» информации – предъявление для опознания. Однако автор считает невозможным включение в систему «невербальных» судебных действий процедур оглашения протоколов «невербальных» следственных действий в порядке ст. 285 УПК РФ. Хотя сами по себе эти протоколы отражают результаты наглядно-образного восприятия дознавателем или следователем обстоятельств объективной реальности, тем не менее в судебном заседании оглашению подлежит не информация, непосредственно познанная данными лицами в ходе соответствующих следственных действий, а их мысленные образы, закодированные в условно-знаковой (вербальной) форме. Поэтому в данном случае объектом процессуального познания являются не собственно фрагменты объективной реальности, а лишь протокол осмотра, обыска, выемки, следственного эксперимента и т.д.

Во втором параграфе «Судебный осмотр» рассматриваются различные разновидности этого судебного действия, а также теоретические, нормативно-правовые и практические проблемы, связанные с его производством.

Так, в диссертации отстаивается позиция о возвращении правового режима осмотра вещественных доказательств к прежнему порядку, существовавшему во время действия УПК РСФСР и предполагавшему не только право, но и обязанность суда проводить данное судебное действие как по ходатайству стороны, так и по своему собственному усмотрению. Исключение могут составлять лишь случаи, связанные с утратой, повреждением вещественных доказательств или специфическим характером отдельных вещественных доказательств,

предусмотренных ч. 2 ст. 82 УПК РФ. Помимо этого, автор формулирует вывод о необходимости распространения действия ст. 284 УПК РФ на осмотры не только вещественных доказательств, но и любых других предметов, представленных в судебное заседание сторонами или истребованных (обнаруженных) судом самостоятельно. На основании изложенного предлагается новая редакция ст. 284 УПК РФ.

Кроме того, обосновывается необходимость дополнения ст. 285 УПК РФ третьей частью, предусматривающей возможность проведения в судебном заседании осмотра документов. Данная новация будет иметь особый практический смысл для тех «невербальных» документов (видеозаписей, фотографий, чертежей и т.д.), которые не могут быть устно оглашены в зале судебного заседания из-за отсутствия в их содержании речевых компонентов.

Следует признать разумным введение в систему судебных действий такого познавательного приема, как проверка показаний на месте, дополнив гл. 37 УПК РФ новой статьей, определяющей правовые условия и порядок ее проведения.

В третьем параграфе «Судебное освидетельствование, судебный эксперимент, предъявление для опознания в судебном заседании» рассматриваются различные разновидности этих судебных действий, а также теоретические, нормативно-правовые и практические проблемы, связанные с их производством.

Методологически отталкиваясь от закономерностей «невербального» способа познания, рассмотренных в первой главе диссертационного исследования, автор выявляет целый ряд недостатков в процессуальной регламентации и практике производства судебного освидетельствования, судебного эксперимента, предъявления для опознания в судебном заседании и предлагает пути их устранения.

В частности, высказывается мысль о недопустимости подмены медицинским освидетельствованием полноценных судебно-наркологических и иных экспертиз, проводимых во время судебного следствия, как не основанных на «невербальном» способе познания обстоятельств объективной реальности.

Кроме того, автор критически оценивает сложившуюся практику использования при проведении судебного эксперимента всех (без исключения) правовых условий, относящихся к аналогичному познавательному приему, проводимому в досудебном производстве.

И, наконец, предлагается пересмотреть процессуальный порядок судебного предъявления для опознания живых лиц, отказавшись от возможности опознания потерпевшим подсудимого и наоборот, а также заменив предварительный допрос опознающего лица в судебном заседании оглашением его показаний, полученных в ходе предварительного расследования уголовного дела.

В **заключении** автор подводит итоги исследования, определяет возможные направления дальнейшей научной разработки поднятых в диссертации проблем.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Монографии

1. *Россинский С.Б.* Обыск в форме специальной операции / С.Б. Россинский ; под ред. В.Н. Григорьева. – М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2003. – 12,5 п.л.
2. *Россинский С.Б.* Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу / С.Б. Россинский. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 14 п.л.
3. *Россинский С.Б.* Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве / С.Б. Россинский. – М. : Проспект, 2015. – 13 п.л.

Учебники, учебные пособия, комментарии к законодательству

4. *Россинский С.Б.* Уголовный процесс России : курс лекций / С.Б. Россинский. – М. : Эксмо, 2007. – 36 п.л. (2-е изд. – М. : Эксмо, 2008).
5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / Л.А. Воскобитова, П.А. Лупинская, Л.Н. Масленникова, Ю.К. Орлов, С.Б. Россинский [и др.] / отв. ред. П.А. Лупинская. – М. : Норма, 2009. – 67 п.л. / 3,2 п.л. (Гриф Минобрнауки России) (2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2010 ; 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2011).
6. *Россинский С.Б.* Уголовный процесс : учебник / С.Б. Россинский – М. : Эксмо, 2009. – 46 п.л. (Гриф Учебно-методического объединения вузов РФ по юридическому образованию).
7. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : практикум / Н.М. Кипнис, С.В. Матвеев, С.Б. Россинский [и др.] ; отв. ред. П.А. Лупинская ; сост. и науч. ред. А.И. Паничева. – М. : Норма, 2009. – 21,84 п.л. / 2 п.л. (2-е изд., перераб. – М. : Норма, 2014).
8. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / Л.А. Воскобитова, П.А. Лупинская, Л.Н. Масленникова, Ю.К. Орлов, С.Б. Россинский [и др.] ; отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – М. : Норма, 2013. – 67 п.л. / 3,2 п.л. (Гриф Минобрнауки России).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Главы 1–32.1. Постатейный научно-практический комментарий / Л.А. Воскобитова, Ю.К. Орлов, С.Б. Россинский [и др.] ; отв. ред. Л.А. Воскобитова. – М. : Редакция «Российской газеты», 2015. – 57 п.л. / 7,0 п.л.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, указанных в перечне ВАК Минобрнауки России

10. *Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития / С.Б. Россинский // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 3. – 0,4 п.л.

11. *Россинский С.Б.* Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (Часть 1) / С.Б. Россинский // Российский судья. – 2009. – № 8. – 0,5 п.л.
12. *Россинский С.Б.* Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (Часть 2) / С.Б. Россинский // Российский судья. – 2009. – № 9. – 0,5 п.л.
13. *Россинский С.Б.* Проблемы конкуренции предварительного и последующего судебного контроля за производством следственных действий в жилище / С.Б. Россинский // Lex Russica. – 2009. – № 4. – 1,2 п.л.
14. *Россинский С.Б.* К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе / С.Б. Россинский // Российский криминологический взгляд. – 2013. – № 3. – 1,2 п.л.
15. *Россинский С.Б.* О сущности доказательств на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки: постановка проблемы / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 6. – 0,5 п.л.
16. *Россинский С.Б.* Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 9. – 0,5 п.л.
17. *Россинский С.Б.* Вопросы соотношения результатов невербальных следственных и судебных действий с вещественными доказательствами / С.Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 11. – 0,6 п.л.
18. *Россинский С.Б.* Проблемы соотношения результатов невербальных следственных и судебных действий с показаниями по уголовному делу / С.Б. Россинский // Российский следователь. – 2013. – № 16. – 0,5 п.л.
19. *Россинский С.Б.* Соотношение результатов невербальных следственных и судебных действий с показаниями по уголовному делу: возможные варианты решения проблемы / С.Б. Россинский // Российский следователь. – 2013. – № 17. – 0,6 п.л.
20. *Россинский С.Б.* К вопросу о нахождении следственных действий в исключительном ведении следователя / С.Б. Россинский // Юридический мир. – 2013. – № 11 (203). – 0,5 п.л.
21. *Россинский С.Б.* К вопросу о месте судебных экспертиз в системе средств уголовно-процессуального познания / С.Б. Россинский // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – Вып. 4. – Ч. 2. – 0,25 п.л.
22. *Россинский С.Б.* Особенности вербального способа познания в уголовном судопроизводстве / А.М. Зинин, С.Б. Россинский // Правовая культура. – 2013. – № 2 (15). – 0,8 п.л.
23. *Россинский С.Б.* Протоколы следственных действий и судебного заседания по уголовному делу: постановка проблемы / С.Б. Россинский // Lex Russica. – 2014. – № 2. – 0,85 п.л.
24. *Россинский С.Б.* Модель познания как концептуальная основа теории уголовно-процессуальных доказательств / С.Б. Россинский // Lex Russica. – 2014. – № 8. – 0,8 п.л.

25. *Россинский С.Б.* Судебные действия познавательного характера как объекты уголовно-процессуального регулирования / С.Б. Россинский // Российский судья. – 2014. – № 10. – 0,8 п.л.

26. *Россинский С.Б.* Соотношение результатов «невербальных» следственных и судебных действий с результатами невербальных оперативно-розыскных и административных мероприятий / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 10. – 0,85 п.л.

27. *Россинский С.Б.* Судебные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела / С.Б. Россинский // Российский судья. – 2014. – № 12. – 0,4 п.л.

28. *Россинский С.Б.* Следственные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела / С.Б. Россинский // Российский следователь. – 2014. – № 23 – 0,6 п.л.

29. *Россинский С.Б.* Специальная операция как организационная форма производства невербального следственного действия / С.Б. Россинский // Российский следователь. – 2014. – № 24. – 0,5 п.л.

30. *Россинский С.Б.* Освидетельствование как невербальное следственное действие / С.Б. Россинский // Российская юстиция. – 2014. – № 12. – 0,4 п.л.

31. *Россинский С.Б.* О перспективах развития информационной теории уголовно-процессуальных доказательств (в связи с возможностью отхода от постулатов марксистско-ленинской философии) / С.Б. Россинский // Вестник Самарского государственного университета. – 2014. – № 11-2 (122). – 1,2 п.л.

32. *Россинский С.Б.* Особенности «невербального» способа познания в доказывании по уголовному делу / С.Б. Россинский // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2015. – Т. 6. – № 1. – 0,25 п.л.

33. *Россинский С.Б.* Судебный осмотр вещественных доказательств и иных предметов как «невербальный» прием познания обстоятельств уголовного дела / С.Б. Россинский // Российский судья. – 2015. – № 2 – 0,55 п.л.

34. *Россинский С.Б.* Реализация права на уважение чести и достоинства личности при производстве освидетельствования в судебном следствии / Т.Ю. Вилкова, С.Б. Россинский // Российский судья. – 2015. – № 3. – 0,4 п.л.

35. *Россинский С.Б.* Осмотр местности и помещения как «невербальное» судебное действие / С.Б. Россинский // Российский судья. – 2015. – № 4. – 0,6 п.л.

36. *Россинский С.Б.* О практике разграничения вещественных доказательств и приложений к протоколам «невербальных» следственных действий / С.Б. Россинский // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 2. – 0,85 п.л.

37. *Россинский С.Б.* К юбилею Семена Абрамовича Шейфера – выдающегося ученого и педагога / Л.А. Воскобитова, С.Б. Россинский // Юридическое образование и наука. – 2015. – № 1. – 0,35 п.л.

38. *Россинский С.Б.* Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве / Л.А. Воскобитова, С.Б. Россинский // Российский криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 1. – 0,9 п.л. (статья включена в международную базу данных «Scopus»).

39. *Россинский С.Б.* Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается / С.Б. Россинский // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2015. – № 2. – 1,5 п.л.

40. *Россинский С.Б.* Использование результатов «невербальных» оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовному делу – объективная необходимость / С.Б. Россинский // *Библиотека криминалиста.* – 2015. – № 3. – 1,2 п.л.

41. *Россинский С.Б.* Несколько слов о цели доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве / С.Б. Россинский // *Российская юстиция.* – 2015. – № 10. – 0,5 п.л.

42. *Россинский С.Б.* Судебный эксперимент как «невербальный» прием познания обстоятельств уголовного дела / С.Б. Россинский // *Российский судья.* – 2015. – № 10. – 0,6 п.л.

Иные публикации

43. *Россинский С.Б.* Организационные аспекты производства обыска в современных условиях / С.Б. Россинский // *Общество и право в новом тысячелетии : материалы научно-теоретической конференции, посвященной 200-летию МВД России и 10-летию Тульского филиала ЮИ МВД России.* – Т. 2. – М. : ЮИ МВД России, 2001. – 0,6 п.л.

44. *Россинский С.Б.* Проблемы обеспечения процессуальных гарантий при производстве обыска в форме специальной операции / С.Б. Россинский // *Проблемы правового регулирования безопасности личности, общества и государства в условиях современной России : материалы научно-практической конференции* – М. : ЮИ МВД России, 2001. – 0,4 п.л.

45. *Россинский С.Б.* Некоторые процессуальные и тактические особенности производства обыска по делам об экономических преступлениях / С.Б. Россинский // *Проблемы оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения обнаружения, раскрытия и расследования экономических преступлений : сборник тезисов выступлений на межвузовской научно-практической конференции.* – М. : ЮИ МВД России, 2001. – 0,25 п.л.

46. *Россинский С.Б.* К вопросу о соотношении понятий «тактическая комбинация» и «тактическая операция» / С.Б. Россинский // *Известия Тульского государственного университета.* – 2001. – Вып. 5. – 0,7 п.л.

47. *Россинский С.Б.* К вопросу об осуществлении специальных операций при производстве следственных действий / С.Б. Россинский // *Воронежские криминалистические чтения.* – Вып. 3. – Воронеж : ВГУ, 2002. – 0,4 п.л.

48. *Россинский С.Б.* Специальная операция как организационная форма производства следственного действия / С.Б. Россинский // *Организационно-правовые проблемы совершенствования деятельности ОВД и профессиональной подготовки кадров : материалы научно-практической конференции.* – Ч. 2. – М. : ЮИ МВД России, 2002. – 0,4 п.л.

49. *Россинский С.Б.* Планирование специальной операции при раскрытии и расследовании уголовных дел, связанных с терроризмом / С.Б. Россинский // *Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение предупреждения и*

раскрытия преступлений террористического характера : материалы научно-практической конференции. – М. : ЮИ МВД России, 2002. – 0,4 п.л.

50. *Россинский С.Б.* К вопросу о расширении полномочий начальника следственного отдела / С.Б. Россинский // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства : материалы всероссийской межведомственной научно-практической конференции. – М. : МосУ МВД России, 2004. – 0,3 п.л.

51. *Россинский С.Б.* Процессуальные комбинации: понятие и сущность / С.Б. Россинский // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы международной научно-практической конференции. – Т. 2. – Екатеринбург : УрГЮА, 2005. – 0,4 п.л.

52. *Россинский С.Б.* Задержание подозреваемого как процессуальная комбинация / С.Б. Россинский // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений : материалы межвузовской научно-практической конференции к 50-летию юбилею кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России. – Т. 1. – М. : Академия управления МВД России, 2005. – 0,25 п.л.

53. *Россинский С.Б.* Некоторые проблемы систематизации процессуальной регламентации участников уголовного судопроизводства / С.Б. Россинский // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон : сборник материалов II Международной научно-практической конференции к 75-летию Тульского госуниверситета. – Тула : ТулГУ, 2005. – 0,25 п.л.

54. *Россинский С.Б.* К вопросу о понятии и сущности уголовно-процессуальной формы / С.Б. Россинский // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность : материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию проф. Л.Д. Кокорева. – Воронеж : ВГУ, 2006. – 0,3 п.л.

55. *Россинский С.Б.* К вопросу о систематизации участников следственных действий / С.Б. Россинский // Воронежские криминалистические чтения. – Вып. 7. – Воронеж : ВГУ, 2006. – 0,25 п.л.

56. *Россинский С.Б. И.Я. Фойницкий* о письменных и вещественных доказательствах / С.Б. Россинский // Материалы международной научно-практической конференции «Стратегии уголовного судопроизводства», посвященной 160-летию И.Я. Фойницкого. – М. : РАП, 2008. – 0,3 п.л.

57. *Россинский С.Б.* Проблемы становления и развития института иных документов как доказательств по уголовному делу / С.Б. Россинский // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Ю.Д. Лифшица. – Челябинск : ЮУрГУ, 2009. – 0,3 п.л.

58. *Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальный закон и проблемы качества предварительного следствия / С.Б. Россинский // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия : материалы

всероссийской научно-практической конференции. – Ч. 1. – М. : Академия управления МВД России, 2010. – 0,3 п.л.

59. *Россинский С.Б.* Конституционное право на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве: правовая догма или действенная гарантия? / С.Б. Россинский // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса : сборник материалов международной научной конференции. – СПб. : Петрополис, 2010. – 0,3 п.л.

60. *Россинский С.Б.* Последующий судебный контроль как средство обеспечения права на неприкосновенность жилища / С.Б. Россинский // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. – Самара : Самарский госуниверситет, 2010. – 0,25 п.л.

61. *Россинский С.Б.* Протоколы следственных действий и судебного заседания: проблемы законодательной дефиниции / С.Б. Россинский // Четвертый пермский международный конгресс ученых-юристов : материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. О.А. Кузнецова. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013. – 0,3 п.л.

62. *Россинский С.Б.* Вопросы соотношения следственных действий с судебными экспертизами в уголовном судопроизводстве / С.Б. Россинский // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы международной научно-практической конференции. – Вып. 10. – Ч. 2. – Тюмень : ТГАМЭУП, 2013. – 0,25 п.л.

63. *Россинский С.Б.* Проблемы реализации конституционного права на неприкосновенность жилища в досудебном производстве по уголовному делу / С.Б. Россинский // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений : материалы международной научно-практической конференции / под ред. А.И. Бастрыкина. – Ч. 1. – М. : Академия Следственного комитета РФ, 2013. – 0,25 п.л.

64. *Россинский С.Б.* Особенности невербального способа познания в досудебном производстве по уголовному делу / С.Б. Россинский // Досудебное производство по материалам и уголовным делам: состояние, проблемы и перспективы : тезисы докладов международной научно-практической конференции. – Минск : Академия МВД Республики Беларусь, 2014. – 0,3 п.л.

65. *Россинский С.Б.* Особенности невербального способа познания в доказывании по уголовному делу / С.Б. Россинский, Ю.Н. Россинская // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы международной научно-практической конференции. – Иркутск : БГУЭП, 2014. – 0,3 п.л.

66. *Россинский С.Б.* Возможные пути развития теории уголовно-процессуальных доказательств на постсоветском пространстве / С.Б. Россинский // Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан : материалы научно-практической конференции. – Душанбе : Инфон, 2014. – 0,6 п.л.

67. *Россинский С.Б.* Невербальный способ познания как гносеологическая основа формирования протоколов следственных действий и судебного заседания в контексте ст. 83 УПК РФ / С.Б. Россинский // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию проф. Ю.Д. Лившица. – Ч. 2. – Челябинск : Цицеро, 2014. – 0,4 п.л.

68. *Россинский С.Б.* Процессуальные комбинации как средства познания обстоятельств уголовного дела / С.Б. Россинский // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России. – Ч. 2. – М. : Академия управления МВД России, 2015. – 0,3 п.л.

69. *Россинский С.Б.* Нравственность как фактор, влияющий на порядок производства освидетельствования в судебном заседании / Т.Ю. Вилкова, С.Б. Россинский // Судебная власть и уголовный процесс. – 2015. – № 4. – 0,35 п.л.

70. *Россинский С.Б.* Осмотр и исследование документов в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения / С.Б. Россинский // Криминалистические чтения на Байкале : материалы международной научно-практической конференции. – Иркутск : Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия, 2015. – 0,45 п.л.